

В. П. МУТАФЧИЕВА

К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В СИРИИ
в XIV — XVI вв.

Вопрос о значении местных особенностей для формирования институтов османского феодализма не является новым. Он рассматривался во многих исследованиях, как одна из основных проблем османской истории раннего периода¹.

Вполне естественно, что в марксистском византиноведении, османистике и балкановедении при определении роли местного наследия в формировании османских феодальных институтов основное внимание уделяется выяснению значения византийских, болгарских и сербских элементов. Это объясняется, с одной стороны, тем фактом, что балканские народы являлись основными производителями материальных благ в османском государстве; с другой стороны, указанная тенденция является реакцией на попытки некоторых турецких буржуазных историков представить османский феодализм как прямое развитие ранних исламских обществ. Эти историки отрицают всякую связь османского феодализма с западноевропейским феодализмом, отстаивая тезис так называемого «турецкого исламского феодализма»².

Предвзятость этого тезиса, приверженцы которого полностью игнорируют тот важный исторический факт, что общество завоевателей (если вообще можно говорить об оформлении османского общества до завоевания) расположилось и развивалось не на пустом пространстве, а на территории, густо населенной немусульманскими народами, находившимися на более высоком уровне общественно-экономического развития, совершенно очевидна. Этот тезис представляет собой одно из многочисленных доказательств стремления турецкой буржуазной историографии сознательно приуменьшить вклад балканских народов в создание мощи многонациональной империи в период позднего средневековья³.

В борьбе с подобными фальсификациями истории Юго-Восточной Европы в период позднего средневековья современная марксистская историография до сих пор не уделяла внимания изучению вопроса о роли феодальных институтов Малой и Передней Азии в формировании османского феодализма. Этот вопрос стоял в центре внимания только турецких

¹ М. Ф. К ö p r ü l ü. *Les origines de l'Empire Ottoman*. Paris, 1935; I. H. U z u n ç a r ş ı l ı. *Osmanlı devleti teşkilâtına methal*. İstanbul, 1941; H. I n a l c ı k. *Od Stefana Dušana do Osmankog carstva*. «Prilozi za orijentalnu filologiju i istoriju jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom», t. III—IV.

² I. H. U z u n ç a r ş ı l ı. *Op. cit.*; М. Ф. К ö p r ü l ü. *Orta zaman Türk-islam feodalizmi*. «Belleten», с. V, 1941, s. 19.

³ О фальсификации средневековой истории Турции турецкой буржуазной историографией см. А. С. Т в е р т и н о в а. *Фальсификация средневековой истории Турции в кемалистской историографии*. ВВ, VII, 1953, стр. 19.

буржуазных историков, которые, как уже говорилось, подходят к нему сугубо предвзято.

В настоящем исследовании мы постараемся на основе данных одного неизданного источника осветить частный вопрос, являющийся одной из сторон общей проблемы преемственности некоторых аграрных феодальных институтов, освященных исламом, в османском государстве.

Развитие феодальных отношений в мусульманских государствах Передней и Малой Азии XIV—XVI вв. сопровождалось широким распространением форм безусловного землевладения, т. е. владения с правом собственности на землю⁴. Система феодального землевладения в рассматриваемых государствах, ее исключительное многообразие, являющееся результатом не только развития феодальных отношений, но и политической раздробленности, господствовавшей в Малой и Передней Азии в период до османского нашествия, еще далеко не изучены. Несомненно, определенное значение имеют объемистые труды И. Х. Узунчаршилы, посвященные анатолийским турецким княжествам в период их завоевания⁵, а также Аккоюнлу и Каракоюнлу⁶. Эти труды основаны преимущественно на материалах более поздних османских источников и не достигают поставленной цели — показать систему феодального землевладения в рассматриваемых государствах. Последнее объясняется главным образом скудостью источников, относящихся к Малой и Передней Азии XIV—XVI вв.

В связи с малым количеством сведений, относящихся к феодальному землевладению в указанных областях накануне завоевания, всякий новый источник, еще не известный исследователям, представляет значительный интерес. Рассматриваемый ниже документ содержит сведения относительно некоторых форм феодального землевладения в Сирии непосредственно накануне ее завоевания и свидетельствует о заимствовании этих форм со стороны новой власти. Таким образом, этот документ может помочь выяснить характер землевладения в государстве мамелюков XIV—XVI вв. и роль местного исламского наследия в формировании аграрных институтов молодого османского феодализма.

Документ представляет собой опись владений, принадлежащих к категории вакф и мюльк, в казах Хама, Хомс, Зор и других санджака Халеб (Алеппо) в Сирии. Прежде чем приступить к анализу документа, необходимо дать некоторые разъяснения по поводу характера упоминаемых в нем форм землевладения.

Мюльк (араб.) или милък (перс.) как форма владения недвижимостью, главным образом землей, отчуждаемая и передаваемая по наследству и признанная шариатом, известна с первых веков существования ислама. Она появилась вместе с возникновением Арабского халифата. Сама по себе эта форма землевладения не имеет никаких феодальных черт. Но в результате феодализации районов, входящих в состав Халифата, термином «мюльк» стали обозначать как мелкую поземельную собственность непосредственных производителей, так и безусловное владение с правом собственности более или менее значительной территорией с ее населением. Мюльк, таким образом, превратился в феодальный институт, напоминаю-

⁴ Ö. L. Barkan. Şeri' miras hukuku ve evlâtlık vakıflar. İstanbul Üniversitesi Hukuk fakültesi mecmuası», с. VI, № 1, s. 156—157; I. H. Uzunçarşılı. Op. cit., s. 125.

⁵ I. H. Uzunçarşılı. Op. cit.; idem. XIV ve XV, ıncı asırlarda Anadolu beyliklerinde toprak ve halk idaresi. «Belleten», с. II, № 5—6, 1938, s. 99—106.

⁶ Idem. Anadolu beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu devletleri. Ankara, 1937.

щий франкский аллод⁷. После упадка Халифата во всех тюрко-монгольских государствах, где был принят шариат, продолжал существовать институт мюльк в его разных видах.

Малик (владелец мюлька) имел право полного распоряжения своим мюльком. В этом основное отличие мюлька от владений на праве «мемлекет» или «мирие». Владелец последних имел сильно ограниченные права распоряжения своими владениями. Используя возможности, которые давал статус мюлька, его владельцы обыкновенно его вакфировали, т. е. завещали какому-либо религиозному или благотворительному учреждению, которое должно было содержаться на доходы с этого мюлька. Так во всех государствах, где был воспринят шариат, многочисленные вакуфы возникали из мюльков, мульков, мильков. В Османской империи, например, согласно данным, приводимым некоторыми авторами, доля таких вакуфов в землевладении достигала одной трети всей обрабатываемой площади⁸.

В вопросе о происхождении вакфа существуют определенные разногласия, на которых мы не будем останавливаться подробно. Однако то обстоятельство, что рассматриваемый нами источник относится к Сирии, заставляет нас напомнить некоторые известные положения. Так, последние исследования Н. В. Пигулевской показали, что в III—IV вв. н. э. в Иране и в завоеванных им провинциях Сирии были широко распространены завещания земельных владений зороастрийским храмам. Это практиковалось затем и в отношении христианских церквей и монастырей Передней Азии⁹. Известно также, что в Юстиниановом законодательстве, а именно в 65-й и 131-й новеллах, говорится о так называемых «*piae causae*», которые означали не что иное, как завещания владений религиозным институтам¹⁰. Таким образом, очевидно, что вакф не являлся порождением ислама, а представлял собой заимствование от более ранних государств. Особенно длительные традиции эта форма имела в Сирии, где византийцы восприняли ее из Ирана. Что же касается государства мамелюков, которое владело этими землями до османского нашествия, то оно унаследовало вакф от Арабского халифата. Османы переняли вакф не от мамелюков, а от завоеванных ранее, еще в XIV в., турецких феодальных княжеств в Малой Азии, где, как и в других государствах, возникших на развалинах Иконийского султаната, вакф был широко распространен.

Известно, что вакфирование, т. е. превращение мюльков в вакфы, предпринималось отнюдь не из религиозных побуждений или же диктовалось таковыми лишь в незначительной степени. Обычно владелец мюлька, превращая его в вакф, стремился таким образом обеспечить доходы со своего владения для собственного потомства, так как вакф считался вечным, существующим «до конца света»¹¹. Еще в Халифате была создана разновидность вакфов — «вакф-и-евляд» (соответствующие турецкому «евлятлык-вакф»), т. е. вакфы, завещанные потомству, а после его прекращения — низшим членам мусульманской религиозной общины¹². Наряду с широким распространением во всех мусульманских государ-

⁷ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, стр. 222.

⁸ A. Heffening. Wakf. «Enzyklopädie des Islam». Leiden—Leipzig, 1934, Bd. IV, S. 1189.

⁹ Н. В. Пигулевская. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. «УЗ Ин-та востоковедения АН СССР», т. XVI, стр. 14—15.

¹⁰ Saleilles. Les piae causae dans le droit de Justinien. «Mélanges Gerardin». Paris, 1907, p. 513.

¹¹ Ö. L. Barkan. Op. cit.

¹² I. Krečsmárik. Das Wakfrecht nach der Hanefitische Schule. ZDMG, Bd. 45, S. 554.

ствах, включая и османскую империю, вакфов, завещанных потомству, существовали также и другие их разновидности: истинные вакфы («вакф-и-асл») и потомственные — «вакф-и-тевлиет». При истинных вакфах определенная (иногда значительная) часть их доходов расходовалась на благотворительные цели. При потомственных вакфах завещатель сохранял для своих потомков право управления вакфами, мютевели, управитель вакфа, неограниченно распоряжался его доходами¹³.

Такова общая характеристика мюлька и вакфа, необходимая для понимания предлагаемого документа.

Здесь неминуемо возникает вопрос: уничтожили ли османы найденные ими в завоеванных территориях мюльки и вакфы или они были вынуждены подтвердить права на эти владения и, таким образом, дали возможность ряду собственников — как крупным феодалам, так и мелким непосредственным производителям — без всякого изменения сохранить свое место в аграрной структуре нового государства? Нас интересуют в данном случае не мюльки и вакфы как особые институты, а отношение османов к земельным владениям завоеванного населения вообще. Известно ведь, что непосредственные производители немусульманских стран не были лишены турками своих владений. Именно так следует, по-видимому, понимать следующее место в хорошо известной фетве Абуссууда: «Они (мирийские земли) не являются собственностью раи. Райет владеет ими на правах найма. Он ими владеет до своей смерти. Если умрет, сын его заместит его и владеет ими на основе старого постановления»¹⁴. Следовательно, османский фиск, сохраняя верховную собственность на мирийские земли, оставил непосредственному производителю право пожизненного и наследственного владения ими.

В отличие от непосредственных производителей феодальный класс завоеванных христианских государств был экспроприрован и в значительной степени физически уничтожен. Несомненно, многочисленные исключения из этого правила нужно отнести за счет предательской роли ряда местных феодалов.

Таким было и положение на землях, входивших до османского завоевания в состав мусульманских государств. В ряде малоазийских государств аристократия была полностью ликвидирована, так как она, боясь, что ее земельные привилегии будут уничтожены в государстве, которое объявило верховную собственность фиска на завоеванные земли, оказала османам упорное сопротивление. На ее владениях были созданы многочисленные военные лены¹⁵.

Но если экспроприация аристократии можно было оправдать тем, что владения были ей пожалованы прежней, ныне ликвидированной государственной властью, то не так легко было оправдать такую меру, как уничтожение вакфов, существование которых было освящено исламом. Однако у нас мало сведений относительно вакфов в Анатолии предосманского периода, сохранивших своих владельцев и при османах. Вероятно, это объясняется тем, что науке просто остались недоступными подобные источники. Впрочем, не исключено, что новая власть оказалась в данном случае далеко не педаггичной в соблюдении шариата. Когда дело касалось выгоды фиска, нарушение шариата нередко практиковалось. Так, османская власть не сохранила за населением ряда завоеванных и населенных мусульманами земель статуса обязанных уплатой зеяята или

¹³ О разновидностях вакфа см. В. Мутафчиева. Аграрные отношения в Османской империи през XV—XVI вв. София, 1962.

¹⁴ Ö. L. Barkan. XV ve XVI inci asırlarda Osmanlı imparatorluğunda ziraat ekonomisinin hukukî ve malî esasları, c. I. Kanunlar. İstanbul, 1943, s. 298.

¹⁵ Ö. L. Barkan. Ser'i miras hukuku ve evlâtlık vakıflar, s. 156—158.

даже хараджа, как того недвусмысленно требовал шариат¹⁶, а включила всю Малую Азию, населенную главным образом мусульманами, в категорию мирийских земель.

Отличным, однако, был статус Сирии, названной в фетве Абуссууда землей, обязанной уплатой хараджем¹⁷. На подобных землях чаще сохранялись существовавшие раньше формы землевладения, здесь в большей мере соблюдалось религиозное право. А на территории санджака Халеб, как это следует из нашего источника, сохранились не только вакфы, но и мюльки.

Рассматриваемый источник представляет собой очень важный фрагмент описи вакфов и мюльков в санджаке Халеб, точнее — только восемь листов этой описи. Вследствие того, что документ находится в очень плохом состоянии и могут быть прочтены лишь отдельные, главным образом стереотипные места, мы вынуждены привести этот фрагмент лишь в извлечениях, а не полностью¹⁸. По той же причине невозможно установить точную дату фрагмента. Но, принимая во внимание, что султан Кансух Гури был убит в Халебе в 1516 г. и только после этого Селим I (1512—1520) окончательно покорил государство мамелюков¹⁹, можно считать, что документ не мог появиться ранее правления Селима I и превращения Сирии в османскую провинцию.

Хотя нам и не известна точная дата источника, в нем содержится ряд дат: 861 г. хиджры (1456—1457 гг.); 745 г. хиджры (1344—1345 гг.); 701 г. хиджры (1301—1302 гг.); 841 г. хиджры (1438—1439 гг.); 926 г. хиджры (1519—1520 гг.). Это даты вакфирования описываемых владений, владельческие документы на которые подтверждаются данной регистрацией. Как видно, последний вакф был создан после завоевания Сирии османами, тогда как все остальные являются предосманскими.

Возникает вопрос, почему из двух десятков вакфов и мюльков, перечисленных в фрагменте, при некоторых из них указывается дата вакфирования? По-видимому, это объясняется особой внимательностью завещателей. Так, первый из датированных вакфов был завещан неким Шехабеддином Юсуфом, сыном Салафеддина Османа, господина Шираза. Второй вакф был завещан Суджумеддином Мухаммедом, сыном Карнаса (Картас?) Али, сына Таджеддина Абдуллы, сына Тахира. Третий, наиболее древний вакф (1301—1302 гг.), был завещан Бедреддином Бекташей, сыном Абдуллы. Четвертый вакф был завещан Аминой, дочерью Мухаммеда, погибшего в бою с иноверцами. Очевидно, завещатели вакфов, при которых указана дата их завещания, не были простыми людьми. Это явствует как из титула «господин Шираза», так и из перечисления предков второго завещателя вплоть до четвертого колена, что практиковалось в отношении лиц знатного рода.

Естественно, наибольший интерес в данном документе представляют сведения о сохранении в санджаке Халеб владений доосманского периода. К счастью, эти сведения достаточно подробны. В отношении каждого вакфа и мюлька даются пространные разъяснения. Наиболее распространенная форма этих разъяснений следующая: «Указанное хиссе указанного лица, будучи вакфом от старого времени, было записано до завоевания, после завоевания и позднее. Оно записано и в новый регистр»²⁰. Эта

¹⁶ A b o u Y o s s o u f Y a ' k u b. Le livre de l'impôt foncier, traduit et annoté par E. Fagnan. Paris, 1921, p. 40—41.

¹⁷ Ö. L. B a r k a n. XV ve XVI inci asırlarda. . . , s. 298—299.

¹⁸ Документ хранится в Восточном отделе Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия. София, ф. I, № 15124.

¹⁹ M. S o b e r n h e i m. Mamluken. «Enzyklopädie des Islam», Bd. III. Leiden—Leipzig, 1936, S. 237.

²⁰ Стр. 1, 5, 6 и другие данного документа.

неоднократно встречаемая в документе формулировка подтверждает, что завоевание Сирии не сопровождалось уничтожением вакфов, однако она не раскрывает процедуру их подтверждения со стороны новой власти. В этом отношении более важными оказываются другие, более детальные разъяснения, имеющиеся в документе, например следующие: «Так как было точно установлено, что указанное хиссе и земельный надел являются вакфом данного лица, они были записаны как вакф в вакфные регистры, составленные в начале завоевания, и в регистры, составленные позднее. Теперь, после проверки местными аянами, установлено, что этот вакф существовал без всякого изменения со времени, предшествующего завоеванию, после завоевания и в дальнейшем. Согласно этому, как показали беспристрастные свидетели и как это следует из имеющихся [у владельца] шариатских документов, а также из старого регистра [составленного] на основе более раннего распоряжения, [владение] было записано в новый регистр и в другие документы как вакф»²¹.

Этот отрывок раскрывает процедуру подтверждения османами сохранившихся в Сирии от предосманского периода мюльков и вакфов. Еще в период завоевания была проведена регистрация владений по их видам. Это делалось на основе владельческих документов и устных показаний местных жителей. Проверка этих сведений была поручена шариатским властям и местным аянам. После проверки, если она подтверждала статус владения, оно регистрировалось как мюльк или вакф в османском кадастре.

То, что описанная практика относится не только к вакуфам, но и к мюлькам, вытекает из следующего места источника: «Указанное хиссе указанного лица является мюльком. Поскольку это следует из шариатских документов и из показаний беспристрастных свидетелей, а также была найдена запись [о нем] в регистрах, составленных по старым распоряжениям, то оно было записано как мюльк [и] в новом регистре»²².

Рассмотренные отрывки, таким образом, свидетельствуют, что османская власть проводила не только перерегистрацию мюльков и вакфов в землях, обязанных хараджем, но и периодические проверки того, на каком основании данные владения трактуются как мюльки и вакфы. Об этом наглядно свидетельствует еще и следующее место нашего источника: «Указанные хиссе были записаны после завоевания Абу эл-Фадл эфенди. . .²³ После этого, согласно высочайшей заповеди, были проверены оставшиеся мюльки и вакфы. . . и было установлено. . . получил шариатское подтверждение, и на основе его [владения были вновь вписаны как вакф. — В. М.] в регистр кадии Али бея с тем, чтобы оно и впредь считалось вакфом. Теперь в присутствии настоящего кадии Халеба Мухиедина эфенди. . . на основе шариатских документов и показаний беспристрастных свидетелей. . . от времени до завоевания, после завоевания. . . доказано и установлено, что оно являлось вакфом. Так как имелось распоряжение относительно вакфных владений, было издано шариатское подтверждение и владение было записано в новый регистр»²⁴.

Таким образом, новая власть в Сирии не принимала на веру вакфный статус владений, а требовала многочисленных подтверждений его. По всей вероятности, эта особая строгость диктовалась фискальными соображениями, тем, что османская власть стремилась, насколько возможно, увеличить свои доходы за счет феодальной ренты частных собственников. Это стремление, вероятно, явилось причиной уничтожения некоторых

²¹ Стр. 4 данного документа.

²² Стр. 4 данного документа.

²³ В этом месте документ сильно поврежден.

²⁴ Стр. 6 данного документа.

мюльков и вакфов в Сирии, которые потеряли свой привилегированный статус при одной из перерегистраций, возможно, из-за того, что их владельцы не смогли достаточно убедительно доказать свои привилегии. Об этом повествует следующее место источника: «Указанное хиссе и...²⁵ и мельница... и весь доход... являются... указанного лица. В... регистре... значатся как вакф. Так как имеется высочайшая заповедь о проверке оставшихся вакфов и мюльков, кадия Халеба установил в присутствии Мимарзаде [следующее]: при проверке, проведенной Караджи пашой... и так как не установлено при проверке пополнения сел, что их положение было изменено, на основе шариатских документов и показаний беспристрастных свидетелей было доказано и установлено, что в период, предшествующий завоеванию, после завоевания и до сих пор это владение являлось вакфом. Так как было издано распоряжение относительно данного вакфа, написано было и шариатское подтверждение и он был записан в новый регистр»²⁶.

Из цитированного отрывка, несмотря на его неполноту, вытекает, что упомянутое «пополнение сел» было результатом регистрации, которая лишила ряд владений их статуса мюльков и вакфов. Иначе неясно, зачем владельцам некоторых вакфов и мюльков потребовалось доказывать, что их владения не были затронуты при «пополнении сел». Не совсем ясно, что следует понимать под «проверкой пополнения сел», но очевидно, что «пополнение сел» имело целью подчинить как можно большее количество сел непосредственно фиску путем лишения владений статуса безусловных владений. Вспомним, что для периода правления Сулеймана I (1520—1566) характерна тенденция низведения различных категорий владений к единому статусу. В его время, например, были лишены своей «свободы» некоторые села, населенные войнуками, в Румелии²⁷ и были низведены до положения раи многие категории населения, обязанные до этого специальными повинностями²⁸. Не исключено, что упомянутое «пополнение сел» в Сирии было также одним из мероприятий Сулеймана, осуществленным в целях увеличения доходов фиска.

Итак, приведенные отрывки нашего документа убедительно показывают, что в Сирии владения, имевшие статус вакфов и мюльков, сохранили его и после османского завоевания, но после строгой проверки. Это еще одно доказательство того, что в османском государстве не только существовала преемственность между османскими феодальными институтами и институтами завоеванных государств, но в новом государстве были сохранены многие ранее существовавшие владения.

Другой вопрос, на который проливает свет анализируемый документ, представляется не менее важным. Рассматриваемый регистр содержит ценные сведения о состоянии землевладения в государстве мамелюков. Поскольку османская власть оставила без изменений, как это следует из регистра, занесенные в него владения, очевидно, что они в том же виде существовали и при мамелюках.

Характерно, что вакфы в санджаке Халев, описанные в документе, существенно отличаются от османских вакфов, например, в Румелии²⁹. Сирийские вакфы, найденные османами, представляли собой владения, не превышающие размеров одного крестьянского хозяйства. В этом нас убеждает следующий отрывок:

²⁵ В этом месте документ сильно поврежден.

²⁶ Стр. 15 данного документа.

²⁷ Ö. L. B a r k a n. XV ve XVI inci asırlarda... s. 265.

²⁸ Ibid., S. 18, 72.

²⁹ В. М у т а ф ч и е в а. Указ. соч., стр. 129.

Вакф Суджумеддина (?) — 4 чифта в различных селах казы Хама
 Мюльк шейх . . . .³⁰ — 1 чифт
 Вакф Кутубеддина — 1 чифт и 1 земельный надел
 Потомственный вакф Абу Надира — 3 чифта
 Вакф Амины, дочери Исмаила — 1 бостан
 Вакф Бедреддина Хасана — 3 чифта
 Вакф Бедреддина Бекташи — . . . .³¹
 Вакф Сараджеддина Омера — 3 чифта
 Вакф Амины, дочери Надира — 3 чифта в разных селах Хамы и Зора
 Вакф Таджеддина Абдулвели — 2 чифта
 Вакф . . . .³² — 1 бостан
 Вакф шейха Османа — 1 чифт
 Вакф Мувфакеддина — 2 чифта
 Вакф Рабтеддина с совладельцами — 2 чифта
 Вакф Зейнеддина с совладельцами — 2 чифта
 Вакф Абу Бекира — 1 бостан
 Вакф . . . .³³ — 2 чифта и 1 бостан
 Вакф Ахмеда и Мухаммеда — 2 чифта
 Вакф . . . .³⁴ — 9 чифтов и 1 бостан³⁵

Ясно, что перечисленные владения являются наделами непосредственных производителей, завещанными мусульманской церкви. А так как, согласно шариату, в вакф могли быть отданы только владения, находившиеся в полной собственности завещателя³⁶, то очевидно, что в Сирии до османского завоевания существовали непосредственные производители, свободные от уплаты феодальной ренты и от феодальной зависимости. Хотя на основании одного единственного источника мы не можем делать окончательных выводов, но наличие в Сирии хозяйств, имеющих статус мюльков, очень показательно. Вспомним, что чифлики в Анатолии и Румелии, расположенные на мирийских землях, не могли быть отданы в вакф ни при каких обстоятельствах, так как их владельцы не имели права полной собственности.

Тот факт, что в санджаке Халеп после османского завоевания были сохранены только мелкие мюльки и вакфы, также показателен. Нельзя предположить, что в этой провинции до завоевания существовали только мелкие вакфы и мюльки, размером от одного бостана до четырех-пяти чифтов земли. Как и в других мусульманских государствах, так и в государстве мамелюков были и крупные вакфы³⁷. Куда девались эти крупные владения и почему мы их не встречаем в османской Сирии?

Объяснение этого факта может быть только одно. Хотя Сирия и признавалась землей, обязанной хараджем, и не была включена в систему мирийских владений, османы не могли допустить, чтобы представители местной феодальной аристократии сохранили свои экономические привилегии и свое место в системе феодального землевладения. По всей вероятности, крупные мюльки и вакфы были конфискованы центральной вла-

³⁰ Это место повреждено.

³¹ Это место повреждено.

³² Это место повреждено.

³³ Это место повреждено.

³⁴ Это место повреждено.

³⁵ Мы привели данные лишь из части документа, поддающиеся прочтению.

³⁶ I. K r e ě s m á r i k. Op. cit., S. 512—513.

³⁷ A. H e f f e n i n g. Wakf, S. 1189.

стью. Подобный прецедент имел место при Мехмеде II³⁸ при проверке кадастра; может быть, это и была проверка «пополнения сел». Так или иначе полное отсутствие мюльков и вакфов в Сирии, которые по своему характеру и размерам напоминали бы крупные феодальные владения, может быть объяснено только уничтожением их после завоевания.

Такого рода посягательство на экономическую мощь местной феодальной аристократии находилось в полном соответствии с общей политикой османской власти в первые века новой империи. Но, чтобы сохранить видимость соблюдения шариата, завоеватели сохранили в областях, обязанных уплатой хараджа, в том числе и в Сирии, мелкие вакфы.

Рассмотренный источник позволяет сделать и некоторые другие наблюдения, например о размерах отдельных сельских хозяйств в данной области. В этой связи заметим, что наряду с турецкой единицей земельной площади — «чифтом» используются и местные меры площади — «феддан» и «карат», причем они встречаются не эпизодически, а постоянно сопутствуют турецкой мере. Это показывает, что по крайней мере в первое время после завоевания османы вынуждены были измерять обрабатываемую площадь как при помощи своей, заимствованной у Византии, единицы измерения «чифт», так и при помощи местных мер. Заметим, кстати, что «чифт» в Сирии, как и в других областях империи, был разным по площади в зависимости от качества земли.

Наш документ, вернее — его сохранившаяся часть, содержит следующие сведения о размерах чифта в санджаке Халеп:

1 чифт	— 6,5 феддана, доход — 1344 акче
1 чифт	— 0,5 феддана, доход — 95 акче
1 чифт	— 2,5 карата, доход — 94 акче
1 чифт	— $1\frac{1}{3}$ феддана, доход — 640 акче
1 чифт	— 1 феддан, доход — 168 акче
1 чифт	— 3 феддана, доход — 981 акче
1 чифт	— 2 феддана, доход — 216 акче
1 чифт	— 0,5 феддана, доход — 45 акче
1 чифт	— 2 феддана, доход — 180 акче
1 чифт	— 5 федданов, доход — 605 акче
1 чифт	— 2 феддана, доход — 84 акче

Как видно, размеры хозяйств, завещанных в вакф, весьма невелики. При низком уровне землевладельческой техники хозяйства таких размеров, как это и следует из документа, приносили незначительный доход.

Подводя итог исследованию, мы выражаем надежду, что, несмотря на отрывочный характер сведений нашего документа, они все же проливают некоторый свет как на сложную проблему аграрных отношений в Сирии XIV—XVI вв., так и на проблему преемственности османских феодальных институтов и феодальных институтов завоеванных немусульманских обществ.

³⁸ О секуляризации при Мехмеде Завоевателе см. В. М у т а ф ч и е в а. Указ. соч., стр. 167 сл.